

A black and white close-up photograph of a young man with dark, slightly messy hair. He has a very intense, angry expression, with his eyes squeezed shut, his nose wrinkled, and his mouth wide open in a shout, showing his teeth. The background is a plain, light color. Overlaid on the right side of his face are two white rectangular boxes with black borders. The top box contains the name 'ЕВГЕНИЙ ИЛЬКАЕВ' and the bottom box contains the title 'ОСТАНОВКИ НЕТ' in bold, black, sans-serif capital letters.

ЕВГЕНИЙ ИЛЬКАЕВ

ОСТАНОВКИ НЕТ

Евгений Илькаев

Остановки нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41830125

ISBN 9785449348937

Аннотация

Евгений Илькаев – поэт, участник литературной студии «Полиграфомания» и арт-группы «Прыжок Лосося». Многократный призёр поэтических турниров МГУП, финалист Московских поэтических слэмов. В сборник вошли стихи 2015—2018 годов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая (и последняя)	8
«Уносишься во тьму, как будто от погонь...»	8
«– Чё ты мрачный такой?..»	10
«– А миня девотька блосила!..»	12
«Умерь свою прыть...»	14
«Иногда это минус, когда на улице плюс...»	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Остановки нет

Евгений Илькаев

Корректор Ирина Шпилева

Фотограф Даниил Прибылов

© Евгений Илькаев, 2019

© Даниил Прибылов, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4493-4893-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Помню, как впервые увидел Евгения Илькаева, но не помню, в каком году. Тогда он произвёл впечатление строгого комсомольца-эрудита, неулыбчивого, сдержанного, с умным взглядом и экономичными движениями. С его образом вязались гиревой спорт, «Записки о Галльской войне» Цезаря и освоение Арктики.

Потом мы стали общаться, и я понял, что ошибался. Евгений Илькаев оказался весёлым энергичным парнем, с долей здорового цинизма и долей здоровой агрессии. С его новым образом вязались бокс, стихи Есенина и куртка-бомбер, которая даёт свободу плечевому поясу.

Затем мы подружились, и я осознал, что снова ошибся.

Илькаев явил собой тип трезво смотрящего на вещи интеллектуала с городской окраины. С его настоящим образом вязались внутренняя требовательность к себе, социальный пессимизм и хорошее знание постмодернистской литературы.

Кто же такой Евгений Илькаев на самом деле? А главное – что он говорит народу?

Ответить на эти вопросы я смог только тогда, когда достаточно хорошо познакомился с его поэзией. Стихотворная форма его текстов, как правило, проста и свободна. Илькаев не любит усложнённые конструкции и длинные периоды. Его стихи всегда хорошо звучат со сцены. Это очень интеллигентная позиция. Ведь интеллигент не хочет затруднять окружающих. Вот Илькаев и делает свои стихи доступными широким массам слушателей.

Вместе с тем мир его поэзии суровый, некомфортный, иногда травмирующий. В детстве все мы смотрели кинокартину «Матрица», и там агент Смит заметил, что они не стали делать матрицу похожей на рай, так как сознание людей отторгает ванильную картину мира. Если это верно, то поэзию Евгения Илькаева мы должны принимать как молоко матери.

Читая Илькаева, мы как бы оказываемся на продуваемых сырым ветром улицах Москвы где-нибудь в конце ноября или начале марта. Нас покачивает – то ли от простуды, то ли от избытка мужских гормонов, то ли от алкоголя, то ли

от не вполне разделённой любви к Родине. То ли от полученного на боксе микросотрясения, то ли просто так. Мы испытываем внутреннюю боль, и поэт лишает нас надежды на исцеление, ведь «эта боль со временем не станет округлой».

Мы имеем дело с духовной болью поколения, пришедшего в мир, где его – поколение – не ждут и не хотят. Нашим отцам предлагали какие-то идеалы. Пусть не все в них верили, пусть не всё было достижимо, но хотя бы присутствовала некая возвышенность. Нам же предлагают не идеалы, а товары. В итоге нас окружает неэстетичная среда, индустриальная информационная постприрода. И она не храм и не мастерская, и даже, как выясняется, не прилавок, потому что здесь не продают то, что нам по-настоящему нужно, а на то ненужное, что продают, у нас не хватает денег.

Глубинное переживание фальшивости и цинизма окружающего мира и есть главная эмоциональная составляющая поэзии Евгения Илькаева. Здесь присутствуют упоминания алкоголя, но мы слишком быстро понимаем, что алкоголь – всего лишь дырявая ширма, и поэт умышленно концентрирует наше внимание на прорехах в ткани. Сквозь них на нас тарашится пошлая физиономия реальности.

Однако на фоне подобной жизни, которую мы «живём как на сломанной карусели», особенно ярко горит огонь человечности. Не случайно именно Илькаев написал одно из самых пронзительных стихотворений о любви, что мне доводилось читать. Там лирический герой ходит по улице с па-

кетиком, а в пакетике – рвотные массы его возлюбленной. Выбросить пакетик куда попало герою не позволяет врождённая интеллигентность, и одновременно «Оазис в пустыне легче найти, чем мусорку в центре Москвы».

Да, Евгений Илькаев способен обругать по матери, у него тяжёлая рука, и он бывает нетрезв. Да, он мало похож на хрестоматийный образ русского интеллигента, который занимается умственным трудом, ходит в пиджачке (хотя пиджачок у Илькаева есть, и даже хорошо сидит) и норовит напустить западничества в самый неподходящий момент. Однако его поэзия – это ощущения глубоко интеллигентного русского человека, пытавшегося как-то примирить своё сердце с цинизмом и пошлостью времени и не преуспевшего. Такова трагедия, проходящая через жизни многих из нас. И многие из нас откровенно распустили сопли. Но Илькаев не распустил, потому что мужчины не плачут. Да и потом, не исключено, что он придумает, как исправить ситуацию.

Максим Маркевич

...Бог подрезал тормоз,
и остановки нет.

Вис Виталис

(авторский перевод «Locomotive Breath» by Jethro Tull)

Часть первая (и последняя)

«Уносишься во тьму, как будто от погонь...»

Уносишься во тьму, как будто от погонь.
Навстречу мошкара. В лицо. Как на огонь.
Точнее, в левый глаз. Тайком в глухом лесу
Подумаешь: «Неплохо, смерть в глазу».
Проямлишь что-то лишнее под нос,
Оставив позади дотлевший мост,
Довлевающий добрых пять безликих лет.
Назад ещё ведёт неясный след.
Щелчок – перед тобою новый слайд.
Моргающий забытый старый сад,
Прямоугольные окошки чьих-то сот,
В стаканах только водка – горький мёд,
На грядках сорняков ненужный прииск.
Писк моды заглушает писк
Стеной летящих комаров на кровь.
Настанет день, и ночь настанет вновь.
И бабушки в платках на лавках круглый год
Такие древние, что это натюрморт.
Но это тоже всё оставишь позади,

Когда нехоженой тропой совсем один
Пойдёшь как зачарованный на шум прибоя,
По голове поглаживая горе.

«– Чё ты мрачный такой?..»

– Чё ты мрачный такой?
Скоро ведь Новый год!
Новый семнадцатый год.
Да вот...

Рома говорит:
«Чё ты мрачный такой?»
Митя говорит:
«Чё ты мрачный такой?»
Серёжа говорит:
«Ямбом пишет,
Безбожен,
Идёт по кривой».
Мама говорит:
«Что ты пьяный такой?»

– Ни в одном глазу!
Я не пьяный!

Я почти что святой
На священном посту!

– А в стихах твоих жизни нет...
– Чистая правда,
В моих стихах только

утрата
утрата
утрата

А давайте-ка вместе
Посчитаем,

Сколько
было утрат,
Сколько
закопанной в землю родни.

Я ем, и, кажется, что-то застряло в зубах —
Это комья могильной земли.

А это лица? Нет, это маски.
Это люди? Нет, одетые куклы.
Это небо? Кислотные краски.
Боль со временем не станет округлой.

И нам остаётся только
Давиться и морщиться.
Ещё одна строчка,
И всё закончится.

Всё закончилось.

«– А миня девотька блосила!..»

– А миня девотька блосила!
– Бросила?!
Бросила просто или с прогибом?
Сейчас разберёмся,
Найдём эту девочку.
Ух мы ей щас!..
Вы же все мои дети,
Я всех вас люблю,
Недаром я помогал
Воздвигать этот сад.

Послушай,
А может, было иначе?
Она просто очень большая,
А ты маленький-маленький.
Она вышла на улицу
В тёплой зелёной курточке
(Осенью сыро и зябко),
А ты в тоненькой водолазке.
Она хотела только сберечь.
Взяла тебя в ручку,
Сжала в ладошке,
В кармашек тебя положила,
Но как только другие ребята
Позвали играть,

Про тебя позабыла.
Вот ты и вывалился,
Вот сидишь тут и хнычешь,
А нужно расти,
Просто расти.
Ступай на обед,
А после поспи.

С годами, как правило, только умнеешь.
От детских расстройств выпей чёрный раствор
И выживай в тихий час, как умеешь,
И вспоминай иногда наш разговор.

«Умерь свою прыть...»

Умерь свою прыть

Вокруг
Непроглядная жуть

Надо жить
Нащупать свой путь

Из варяг в греки

По морям плыть

Моря морями. Где
Ручейки, реки?

Но

К своим годам я достиг небывалых высот:
Совокупляюсь, бывает, делаю ставки на спорт,
Приторговываю книжками детскими,
Пританцовываю под ритм-н-блюз.
С каждым пьяницей пью,
С каждой мельницей бьюсь.

А что остаётся?

Из грязи да пыли
Одна мешанина.
Перемелет и выплюнет
Эта машина.
«Хороший мужчина лжёт».
Я хороший мужчина.

Таращу сонные зенки
В потолок с перепоя.
Мой путь из бродяг в зэки,
От капельки спермы до перегноя.
От капельки жизни до перегноя.

«Иногда это минус, когда на улице плюс...»

Иногда это минус, когда на улице плюс:
Снег, в общем, не снег – размякший хлеб.
Твои ноги послушно идут, чавкают,
Хотя ты уже
По горло сыт.
Горит лоб,
Над головой
Неоновый нимб.

Куда ты намылился?
Ты даже не водитель автобуса...
Далёкие страны на поверхности глобуса —
Обычная краска на поверхности пластика.

Ты даже ни разу не продавал мандарины,
Не изготавливал деревянные ящики.
Двоечник. Шлейф из хвостиков тянется
За спиной. Мёрзнут где сейчас ящерки?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.